

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/73/14

В.В. Орехов

ФРАНЦУЗСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОССИИ И РУССКИХ КАК «ГОВОРЯЩИЙ ПРОПУСК» В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ «ВОЙНА И МИР»

Исследуются особенности авторского моделирования в «Войне и мире» стереотипов французского восприятия России. Сравнительный анализ романа-эпопеи и ранее созданных произведений об Отечественной войне 1812 г. позволяет заключить, что Л.Н. Толстой, в противоположность традиции, минимизировал воплощение французской рецепции России. Доказывается, что это обусловлено стремлением писателя сместить читательское внимание со стереотипов межнационального восприятия на ключевые закономерности исторического процесса.

Ключевые слова: 1812 год, Л.Н. Толстой, образ «чужого», имагология, национальный стереотип, скифский план

Давно замечено, что постижение историософской концепции, выстроенной в романе «Война и мир», требует анализа не только текстовых фактов, но и «говорящих пропусков», т.е. таких элементов, которые – в силу традиций или иных обстоятельств – могут быть ожидаемы читателем, но сознательно выпущены автором. Впервые об этом заговорил В.Б. Шкловский, который анализировал исторический материал, доступный Толстому, однако «вытесненный» [1. С. 50] из «Войны и мира» как затуманивающий авторскую интерпретацию исторических закономерностей. Проблему сигнализирующих «пробелов» в «Войне и мире» активно разрабатывает современный историк А.А. Орлов и задается вопросом, почему в толстовском тексте отсутствует позитивный образ Англии, которая была союзницей России в борьбе против Наполеона I. А.А. Орлову, по существу, приходится анализировать то, что Л.Н. Толстой «писать не стал» [2. С. 162], и этот анализ позволяет сделать важный вывод: Л.Н. Толстой воспринимал Англию как цивилизационный антипод России [3. С. 223], а союзничество Англии с Россией – как ситуативно-вынужденное, временное «перемирие» в извечном противостоянии двух государств, обустроенных на радикально разных ментальных основаниях, а потому обреченных на взаимоотторжение. Возможно, поэтому в самом начале романа-эпопеи «...читателю дается принципиальная установка: Англия всегда ведет себя предательски, даже когда дело касается блага всей Европы» [4. С. 19].

Наша статья посвящена еще одному «пропуску», предусмотренному Л.Н. Толстым, а именно: французским представлениям о России, которые детально воспроизводились предшественниками романиста, но, вопреки традиции, почти не нашли места в «Войне и мире». Проблема находится в сфере интересов литературоведческой имагологии, сосредоточившей ис-

следовательские усилия во второй половине XX в. (классические примеры – монографии М. Кадо и К. Корбе [5, 6]) на детальном изучении бытующего в национально-литературном сознании обобщенного представления о *чужой* стране и *чужом* народе [7. С. 18–20]. Современное литературоведение все настойчивее смещает научный объектив со структуры имагологических образов на их функции, роль, которую они играют во внутри- и межлитературном имагологическом диалоге. И в этом отношении важно, что имагологический образ может быть и объектом такого диалога, и его «инструментом». Речь о том, что люди (народы, национальные литературы) «видят себя в зеркале *других*, в *чужом* сознании (курсив мой. – В.О.)» [8. С. 85] и вырабатывают реакцию на отражение в *чужом* «зеркале» (голландский ученый Ж. Леерссен называет подобное опосредованное отражение имагологическим метаобразом [9. Р. 21]).

Эта реакция (или «ответная рецепция» [10. С. 156]) представляет собой обширную сферу литературных взаимодействий: условно выражаясь, отдельные литераторы и национальные литературы «обсуждают» собственный национальный «портрет», запечатленный *чужой* культурой. Такое «обсуждение» имеет задачей скорректировать «имагологическую картину», созданную *чужими* авторами, сопоставив изображенные черты с исторической данностью. Яркий образец подобной попытки – брошюра Д.В. Давыдова «Разбор трех статей, помещенных в “Записках” Наполеона» [11], где поэт-партизан на основе фактов оспаривает суждения об эффективности «летучих отрядов» и, по словам П.А. Вяземского, «ловит его (Наполеона. – В.О.) в некоторых отступлениях от истины <...>» [12. С. 397]. Поскольку имагологическая реальность зачастую «аффилируется» политическим дискурсом, то словесность нередко попадала в зависимость от административно-политических методов и, попросту говоря, выполняла политический заказ. Такого рода эпизоды литературного быта XIX в. не раз оказывались в зоне интересов литературоведения [13, 14], а в современной науке подробно разобраны в монографии В.А. Мильчиной «Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы» [15].

Зачастую «спор» с чужими мнениями переступал через обсуждение частных и выходил на уровень противопоставления *чужому* (более или менее целостному) образу России – *своего* образа России. И тогда *свой* образ России, создаваемый в противовес *чужому*, превращался в «инструмент» имагологического диалога, призванный вытеснить из общественно-го сознания *чужие* представления. Отечественная война 1812 г. стала в этом отношении чрезвычайно важным событием; ее осмысление на национальном уровне позволило создать устойчивое и целостное представление не только об историческом моменте, но и о политической, исторической роли России. События наполеоновского нашествия породили «свод» национальных представлений, которые поначалу служили, прежде всего, «идеалу национальной консолидации» [16. С. 473]. И одной из идеологем этого «свода» явилось восприятие западной культуры как «некой отторгаемой формы солидарности» [17. С. 154], что, безусловно, опиралось на реально

существовавший антагонизм в оценке множества элементов картины мира. Частный, но показательный пример: в 1812 г. и в Европе и в России казаки воспринимались «как знак всех воинов империи» [17. С. 297], однако в Европе (даже в союзных России странах) казак виделся «диким, жестоким и грозным» [18. С. 98], т.е. в абсолютном смысле слова *чужим*, а в России – сильным, справедливо карающим врага и уверенным в победе Отечества [17. С. 180].

Свое «прочтение» истории 1812 г. позволяло потеснить западные интерпретации событий истории и современности. Всякий раз, когда политическая конъюнктура заставляла Запад воспринимать жителей России «в виде орды, которой нужно противостоять всем европейцам» [19. С. 184], российское представление о войне 1812 г. превращалось в имагологический «противовес» западным «мнениям» – и внутри России, и в международном диалоге. Этот феномен детально изучен О.Е. Майоровой на материале литературной и журнальной жизни России эпохи Польского восстания 1863–1864 гг. [20]. Однако проявился он значительно раньше – в период Польского восстания 1830–1831 г. (достаточно вспомнить «Бородинскую годовщину» А.С. Пушкина). По тому же пути русская литература шла в пору Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. (вспомним брошюру П.А. Вяземского «Письма русского ветерана 1812 года»). Так что к очередному противостоянию с Европой в связи с Польским восстанием 1863 г. (а именно в этот период Л.Н. Толстой начал активную работу над «Войной и миром») русская литература пришла уже со сложившейся традицией «отвечать» Западу с позиций победителей Наполеона. Причем важной составляющей этого ответа была мысль о том, что поражение французов обусловлено их незнанием и непониманием России и русских, т.е. исторический итог осознавался с позиций критики французского восприятия России. В этом контексте проблему нашей статьи можно переформулировать в следующий вопрос: почему Л.Н. Толстой, вопреки литературной тенденции, почти не использовал в «Войне и мире» имагологический метаобраз России для осмысления исторических событий?

Итак, тема Отечественной войны 1812 г. актуализировалась в русской литературе в начале 1830-х гг., что было обусловлено Польским восстанием, его подавлением и резко обострившимися на этом фоне русско-французскими отношениями. Агрессивная антироссийская риторика французской прессы и призывы французских политиков к войне против России пробуждали в российском обществе исторические воспоминания о нашествии Наполеона [21. С. 75–73] и стремление литераторов осмыслить события Отечественной войны.

Пожалуй, наиболее известной попыткой отразить события героической эпохи в произведении большого жанра был роман М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831). Важно, что роман Загоскина явился для Толстого одним из источников, откуда автор «Войны и мира», по наблюдению В.Б. Шкловского, почерпнул некоторые детали [1. С. 40]. Как участник Отечественной войны, имевший ранение и награды, Загос-

кин, безусловно, был способен отразить ценные с исторической точки зрения впечатления. Однако раскрытие причин французского нашествия не учитывало множество объективных факторов, а потому выглядело несколько наивным. Автор подсказывал читателю вывод, что мотивы французского нашествия кроются и в ненависти Наполеона к России, «которая одна еще <...> не трепетала его имени» [22. С. 28], и в общем для всех французов презрении к России и русским. Изображая российское общество накануне неприятельского вторжения, автор выводит несколько французских персонажей и имитирует французскую рецепцию России. Французский барон из дипломатического корпуса утверждает, что Петербург не может называться европейским городом, а русские стараются во всем походить на французов [22. С. 53, 55]; французский путешественник представить не может, что в России бывает тепло [22. С. 49]; французский шпион уверяет, что Россия не способна противостоять Наполеону [22. С. 43].

Убеждая читателя, что презрительное верхоглядство в отношении России – типичная черта французского характера, Загоскин использует прием остранения, доверяя русским персонажам формулировать наблюдения о французской предвзятости. Русский офицер, вызвавший француза на поединок, объясняет свое негодование: «Неблагодарные! Чем платили они до сих пор за нашу ласку и хлебосольство? <...> Прочтите, что пишут и печатают у них о России; как насмеются они над нашим простодушием: доброту называют невежеством, гостеприимство – чванством» [22. С. 70]. «Французы и до сих пор не признают нас за европейцев и за нашу хлеб-соль величают варварами, – делится с Рославлевым даже французоман Зарецкий, – а отечество наше, в котором соединены климаты всей Европы, называют землю белых медведей и, что всего досаднее, говорят и печатают, что наши дамы пьют водку и любят, чтобы мужья их били» [22. С. 46].

Когда романист доходит до подробностей «московского сидения» французской армии, он не говорит о случаях вопиющей жестокости, об утраченных российских богатствах, почти не останавливается на страданиях бесчисленных раненых. Наиболее трагичным обстоятельством выглядит все то же презрение французов к русским. Наполеон у Загоскина называет русских, поджегших Москву, «варварами» и «скифами» [22. С. 239]. А вслед за императором в подобном духе о русских отзываются все французские персонажи; офицер наполеоновской гвардии особенно находчив в эпитетах: «Они не варвары, а дикие звери!.. Мы думали здесь отдохнуть, повеселиться... и что ж? Эти проклятые калмыки... О! их должно непременно загнать в Азию, надобно очистить Европу от этих татар!» [22. С. 238]. Варварами называют москвичей даже рядовые французские солдаты [22. С. 252]. Выражение «русские варвары» кажется Загоскину особенно унижительным, и он не только постоянно возвращает внимание соотечественников к этому обстоятельству, он заставляет читателя думать, что одна из важнейших задач русских военных – вести себя на войне так, чтобы французы поняли, «что они ошибаются» [22. С. 127]. Даже завершение

войны с Наполеоном омрачено для романиста печальным последствием: «Мы отдохнули, и русские полуфранцузы появились снова в обществах, снова начали бредить Парижем и добиваться почетного названия – обезьян вертлявого народа, который продолжал кричать по-прежнему, что мы варвары, а французы первая нация в свете» [22. С. 392]. То, что представление о России как о варварской стране являлось одним из подстегнутых пропагандой стереотипов французского сознания, общеизвестно. Но то объяснение, что война началась по причине французского презрения, а завершилась победой России вследствие стремления русских отучить французов от обидных мнений, вряд ли могло убедить современников романиста.

«Рославлев» был принят холодно. Участник войны 1812 г. П.А. Вяземский писал А. С. Пушкину: «В Загоскине точно есть дарование, но зато как он и глуп <...>. В “Рославлеве” нет истины ни в одной мысли, ни в одном чувстве, ни в одном положении» [23. С. 214]. Пушкин, слабо защищая роман, смягчал эту оценку, но тут же (1831) начал писать свой вариант романа с тем же названием и с теми же героями. Причем по наброску видно, что французским героям Пушкина (г-же де Сталь и пленному офицеру Синекуру) не свойственно презрение к России. Д.В. Давыдов даже помогал Загоскину в сборе материалов и передал ему подробную характеристику партизана Фигнера. При этом Давыдов писал: «Удовольствие, которым я наслаждался при чтении “Юрия Милославского”, дает мне надежду на подобное же удовольствие при чтении и того романа, который на станке у вас <...>» [24. С. 176]. Надежды Давыдова, видимо, не оправдались. Во всяком случае, в 1833 г. он делился с Н.М. Языковым: «Судите, что на днях я прочел в объявлении о появлении нового романа Загоскина (“Аскольдова могила”. – В. О.). “Романы Загоскина сделались уже народной гордостью”. Каково? Да за кого же г. объявитель русский народ принимает?» [24. С. 186].

Одновременно с Загоскиным, в 1831 г., свою художественную версию истории Отечественной войны предложил читателю Ф.В. Булгарин, опубликовав роман «Петр Иванович Выжигин». Изобразительные приемы и трактовка событий у Булгарина были еще менее совершенны, нежели у Загоскина, а потому роман его имел еще меньший успех, нежели «Рославлев». В предисловии Булгарин заверял: «Все, что говорят в романе Наполеон и его приближенные, не вымыслено мною, но почерпнуто из сочинений, на которые я ссылаюсь» [25. С. I]. А Наполеон, вступая в российские пределы, говорил в романе Булгарина следующее: «Верьте мне, господа, что в русском дворянстве нет той силы душевной, которая требуется для начатия и продолжения народной войны; что простой народ беден и не примет никакого участия в этом деле... Я знаю Петербург и Москву, как будто жил в них! Кабинет мой был завален рапортами, замечаниями о России!» [25. С. 75–76]. Однако военные действия заставляют Наполеона в романе Булгарина радикально изменить свое мнение. После беседы с пленным Выжигиным он и вовсе заявлял: «Эти русские совсем другие люди, нежели я полагал прежде. Меня обманули на их счет! Нельзя не ува-

жать их. <...> Я не предполагал такого духа в русских: я не знал их!» [25. С. 146] В итоге, как и у Загоскина, получалось, что русские воевали, прежде всего, за то, чтобы показать французам, как несправедливы были их пренебрежительные суждения о России. Такое прочтение истории вызвало негативный отзыв А.А. Бестужева-Марлинского: «В “Петре Выжигине” историческая часть вовсе чахотна. Уверять, что Наполеон пошел в Россию, обманутый Коленкуром, будто его примут с отверстыми объятиями, можно было в 1812 году, не позже; да и тогда этим слухам верили только на гостинном дворе» [26. Т. 2. С. 449].

Характерно, что все в том же 1831 г. (т.е. одновременно с Загоскиным и Булгариным) Бестужев-Марлинский в повести «Лейтенант Белозор» попытался сконструировать французский текст о России эпохи 1812 г. Он представил в сатирическом свете рассказ французского офицера о российских победах французов. «Представьте себе, – говорит Монтань Люссак, – соболи водятся там в домах, как у нас мыши <...> для верховой езды в горах употребляют лошадок, называемых коньяк. <...> Надо у этих варваров образовывать даже климат. <...> Перед Москвою мы разбили пятисоттысячную армию, которою командовал Суворов или Кантакузен; тут дрались даже старики с бородами по колено, которые служат им вместо лат <...>. В полдень все было кончено. По русскому обычаю, герою принесли в пироге запеченного китенка <...>. Два эскадрона пленных казаков отличились в народном танце, который у них известен под именем пляска» [26. Т. 1. С. 386]. Явная сатирическая гиперболизация делала речь француза о России даже более убедительной, нежели подделки под иностранный взгляд у Загоскина и Булгарина. А потому и отзыв Белинского о «Лейтенанте Белозоре» был значительно мягче, чем его же отзывы о «Рославлеве» и «Петре Выжигине». «<...> Несмотря на то, что <...> представитель французской нации, Монтань Люссак, уж чересчур и подл, и глуп, и пошл <...>, – замечал Белинский, – веселенький рассказец читается до конца не без удовольствия» [27. С. 547].

Итак, в русской литературе о войне 1812 г. сложилась тенденция изображать негативные французские стереотипы о России, что позволяло авторам объяснять французскую враждебность, а это, в свою очередь, помогало целиком или хотя бы отчасти объяснить и причины французского вторжения. Поскольку русско-французские отношения неоднократно переживали кризис, а французская пропаганда разжигала антироссийскую истерию, которая действительно способствовала развязыванию военной агрессии (как это было накануне Крымской войны), читатель был вправе ожидать, что разоблачения превратных представлений французов о России прозвучат и в новом, по определению Н.В. Шелгунова [28. С. 359], «славянофильском романе» Л.Н. Толстого о войне 1812 г.

В «Войне и мире» Л.Н. Толстой акцентирует внимание на обыкновении русских солдат называть противника местоимением «он» [29. Т. 11. С. 194]. Деталь эта основана на личных наблюдениях Толстого периода осады Севастополя, поскольку она отразилась в «Севастопольских расска-

зах» [29. Т. 4. С. 14]. Верность наблюдения подтверждается и словами Н.И. Пирогова. «Стреляют <...> вообще мало, – сообщал хирург в письме к жене от 13 января 1855 г. из Севастополя, – пускают от времени до времени несколько бомб от нас и от него; – ты знаешь, что он – это значит – неприятель» (курсив мой. – В.О.) [30. С. 39]. Называемый местоимением «он», неприятель в сознании русских солдат обезличен. Это должно настраивать художника на попытку проникнуть в психологию противника, не доступную участникам событий. И автора и читателя неизбежно должно заинтересовать не только то, почему неприятель пришел в Россию, но и что он чувствует, придя в Россию, как воспринимает оккупированную страну и ее народ. Казалось бы, для Толстого, изучившего целый ряд французских мемуаров, знавшего множество отзывов французов о России, открылось широкое поле для имитации французской рецепции России.

Однако Л.Н. Толстой пользуется этим приемом весьма сдержанно. Говоря о французах, живших в России до наполеоновского нашествия (врачи, гувернеры, эмигранты), он вообще не останавливается на их «русских впечатлениях». Французская рецепция России «подмечена» лишь при наступлении французской армии, и, что характерно, выразителем французских представлений о России в большинстве эпизодов оказывается Наполеон, а потому читатель почти вовсе не видит Россию глазами наполеоновских солдат и офицеров. В качестве исключения можно вспомнить лишь момент подготовки к переправе через Неман. Здесь Толстой воспроизводит реплики французских солдат, готовых к переходу границы. Беспредметные восклицания, похвалы императору, приветствия и прощания, и среди этого только две фразы о стране, в которую вступают войска: «Так вот они, азиатские степи... Однако скверная страна» [29. Т. 11. С. 9]. Толстой воспроизвел лишь самые типичные ассоциативные клише, связанные в сознании французов с Россией: ее азиатское географическое расположение, необычность ландшафта и суровость климата. И все это не может служить объяснением для причин французского вторжения.

В некоторых сценах романа, кажется, сама логика ситуации подводит автора к необходимости «прочитировать» предвзятые французские мнения о русских. Это, в частности, относится к эпизоду общения Пьера Безухова и спасенного им капитана Рамбаля. Французский офицер принимает Безухова за француза, что дает автору повод иронично отозваться о французском тщеславии: «Для француза вывод этот был несомненен. Совершить великое дело мог только француз, а спасение жизни его, мосье Рамбаль, капитана 13-го легкого полка, – было, без сомнения, великим делом» [29. Т. 11. С. 365]. Автор с насмешкой передает рассказ Рамбаля о наполеоновских победах, и читатель вправе ожидать, что у офицера сорвется избитая фраза о русском варварстве, противостоящем европейской цивилизации. Но нет, француз лишь однажды вспоминает о русских, чтобы отметить их стойкость при Бородине [29. Т. 11. С. 369]. Оказывается, что чувство французского национального превосходства у Рамбаля связано даже в меньшей степени с русскими, нежели с немцами, которых он именует «дурнями» [29. Т. 11. С. 373].

Несколько полнее Толстым представлен образ России, рисуемый воображением Наполеона. Описывая готовую к вторжению французскую армию, расположившуюся на берегу Немана, автор дает возможность читателю проникнуть в сознание полководца: «Увидев на той стороне казаков (les Cosaques) и расстилавшиеся степи (les Steppes), в середине которых была Moscou la ville sainte, столица того, подобного Скифскому, государства, куда ходил Александр Македонский, – Наполеон, неожиданно для всех <...> приказал наступление» [29. Т. 11. С. 8]. Подчеркивая «французскость» наполеоновского восприятия, Толстой ограничивается лишь тем, что записывает латинскими буквами русские слова les Cosaques и les Steppes, вошедшие в таком виде во французский лексикон, и «цитирует» по-французски фразу «Москва, священный город». При этом важно, что из множества характеристик России, действительно присутствовавших во французских источниках [7. С. 144–148], Толстой отбирает те, которые подчеркивают экзотичность «французского» образа России, а не его враждебность.

Отдельного рассмотрения в цитированном фрагменте заслуживает уподобление России «Скифскому государству». Известно, что ассоциативная связь между Россией и Скифией, (русскими – и скифами) в европейском сознании существовала до Московского похода [31. С. 68]. Однако ход Отечественной войны усилил эту связь, породив представление о так называемом «скифском плане», который якобы начал разрабатываться российским командованием еще до наполеоновского вторжения и предполагал заманивание противника на предварительно разоренные территории. Современные исследователи (вслед за Е.В. Тарле) склоняются к тому, что даже само понятие «скифский план» вошло в общественный и литературный обиход уже после окончания войны и было призвано создать иллюзию заранее спланированной стратегии глубокого отступления русской армии [32; 33. С. 15; 34. С. 3–5]. Считается, что метафоричность этого понятия была подсказана Наполеоном [35. С. 496; 36. С. 333]. В качестве подтверждения Е.В. Тарле цитирует французского императора, произнесшего в Кремле при виде московского пожара: «Какое страшное зрелище! Это они сами поджигают... Какая решимость! Какие люди! Это – скифы!» [35. С. 270]. Эти слова изначально были зафиксированы в записках Ф.П. де Сегюра [37. Р. 54], входившего в близкое окружение Наполеона. Записки Ф.П. де Сегюра стали одним из самых популярных источников о походе на Москву. Неудивительно, что порою фрагменты этих записок «просвечиваются» сквозь ткань позднейших художественных интерпретаций. Напомним, что у Загоскина Наполеон называл русских скифами [22. С. 239]. Толстому был известен сегюровский текст, однако, описывая пребывание Наполеона в Кремле, он будто «забывает» патетические фразы полководца и о решимости русских, и о скифах. Вместо этого читаем: «Наполеон <...> в самом мрачном расположении духа сидел в царском кабинете Кремлевского дворца и отдавал подробные обстоятельные приказания о мерах, которые должны были быть приняты немедленно для туше-

ния пожара, предупреждения мародерства и успокоения жителей» [29. Т. 11. С. 391]. Вопрос: почему Толстой упомянул «скифские ассоциации» Наполеона при описании переправы через Неман, но обошел их стороной в «кремлевском эпизоде», хотя именно к этому эпизоду они «привязаны» исторически?

Думается, ответ подсказывают рассуждения романиста об уже упомянутом «скифском плане». «<...> Авторы-русские, – пишет Толстой, – любят говорить о том, как с начала кампании существовал план Скифской войны заманивания Наполеона вглубь России и приписывают этот план кто Пфулю, кто какому-то французу, кто Толю, кто самому императору Александру» [29. Т. 11. С. 321]. Далее писатель доказывает, что «скифский план» представляет собой не реальный стратегический проект, а некий позднейший конструкт, созданный интерпретаторами событий и «подогнанный» под исторические факты. Понятно, что Толстой был противником того, чтобы действительные события 1812 г. объяснялись посредством мифического «скифского плана». Воспроизведение «скифской» тирады Наполеона в Кремле, записанной Сегюром, именно подталкивало бы читателя (даже на чисто эмоциональном уровне) к осознанию реальности и важности «скифского плана», что противоречило авторскому замыслу и заставило романиста обойти вниманием действительно произнесенные Наполеоном слова.

Толстовское отношение к «скифскому плану» выражает иной персонаж – Василий Денисов. Это происходит при знакомстве гусарского подполковника с Болконским. Узнав, что имение Болконского осталось на захваченной французами территории, Денисов замечает: «Вот и скифская война. Это все хорошо, только не для тех, кто своими боками отдувается» [29. Т. 11. С. 167]. То, что слова о «скифской войне» произносятся в романе еще до Бородинского сражения, можно считать анахронизмом, поскольку, как было сказано, это выражение вошло в оборот уже после победы над Наполеоном. Но принадлежность этих слов именно Денисову вполне оправдана. Д.В. Давыдов, послуживший прототипом для Денисова, в «Дневнике партизанских действий 1812 года» называл своих партизан «скифами» [38. С. 355]. «Дневники...» Д.В. Давыдова создавались уже после изгнания французов из России, и «скифская метафора», возможно, явилась неким отголоском послевоенных рассуждений в обществе о «скифском плане». Однако у Давыдова речь идет не о стратегии глубокого отступления, а о тактике летучих партизанских отрядов в тылу неприятеля. Так что Толстой не противоречил логике построения персонажа, когда «доверял» Денисову скептическое замечание о «скифской войне»: Денисов указывает на негативные обстоятельства глубокого отступления, но не партизанской тактики.

Для Толстого важным было подчеркнуть, что временная утрата территорий может быть оправдана только в качестве крайнего, вынужденного, а не заранее спланированного шага, поскольку влечет за собой множество трагических последствий. Стремясь убедить читателя, что «скифский план» явился послевоенным порождением ложной патетики, писатель до-

верил персонажу-герою Василию Денисову скептическое высказывание о «скифской войне» и вместе с тем «пропустил» пафосное высказывание о «русских-скифах», произнесенное Наполеоном в стенах Кремля. Что же касается «скифских» ассоциаций Наполеона, включенных романистом в эпизод переправы через Неман, то они воспринимаются вне контекста военных действий и отсылают читателя не к «скифскому плану», а к эпохе Александра Македонского и призваны продемонстрировать оценку Наполеоном собственного величия, а не «скифские корни» русского характера и русской военной стратегии.

Еще несколько штрихов к «наполеоновскому» образу России Толстой добавляет, воссоздавая сцену общения французского императора с посланником Александра I А.Д. Балашовым (Балашевым) в Вильне. Первая часть дипломатической встречи носила официальный характер, и высказывания Наполеона о России звучали исключительно в актуальном политическом ключе. Далее Балашов получает приглашение на императорский обед, где беседа приобретает более непринужденный характер и император проявляет интерес к некоторым подробностям российских реалий: «Сколько жителей в Москве, сколько домов? Правда ли, что Moscou называют Moscou la sainte? Сколько церквей в Moscou?» [29. Т. 11. С. 30]. Узнав, что в столице более двухсот церквей и это является следствием набожности русских, Наполеон замечает: «<...> Большое количество монастырей и церквей есть всегда признак отсталости народа. <...> Уже нигде в Европе нет ничего подобного» [29. Т. 11. С. 30].

Эти реплики не были чистым вымыслом романиста. Историкам содержание реальной беседы между Наполеоном и русским посланником известно из записки самого А.Д. Балашова, которая была создана в 1836 г. и содержание которой было использовано в «Истории консульства и империи» Л.А. Тьера и в «Истории Отечественной войны 1812 года» М.И. Богдановича. Именно эти два сочинения послужили источниками для Толстого [39. С. 286], поскольку сам текст записки Балашова хранился в архиве и был опубликован лишь в 1883 г. [40]. Е.В. Тарле убедительно доказывает, что Балашов сильно «стилизовал», т.е. дополнил воображением ту часть беседы, о которой сейчас идет речь [35. С. 478]. Заметно, что Балашов стремился проиллюстрировать плохое знание Наполеоном России. Если верить Балашову, из вопросов Наполеона следовало, что Москву полководец представлял в виде «большой деревни» [40. С. 435] и полагал, что в составе русской армии служат «киргизские полки» [40. С. 435].

Пересказывая текст Балашова, М.И. Богданович обошел вниманием «киргизские полки» и «большую деревню». В его интерпретации, Наполеон интересовался лишь числом жителей и домов в Москве, причем выразил удивление количеством церквей: «К чему такое множество?» На слова Балашова о набожности русских Наполеон ответил: «Полноте, какая теперь набожность?» [41. С. 144] Столь же лаконично «русские» вопросы Наполеона переданы и у Тьера – без «киргизских полков» и «маленькой деревни». По словам французского историка, император расспрашивал

посланника, «подобно путешественнику, направляющемуся в страну» [42. Р. 57]. Однако по поводу большого количества монастырей в России Наполеон в «Истории...» Тьера замечает, что это является признаком «слабого развития цивилизации» [42. Р. 58].

Если вернуться к эпизоду из «Войны и мира», то очевидно, что в вопросе о «набожности русских» романист опирался на текст не Богдановича, а Тьера и акцентировал внимание на представлении Наполеона об отсталости, слабой цивилизованности русских. Почему это произошло? Думается, во-первых, потому, что французский историк уже в какой-то степени сам был носителем того французского видения России, которым обладал Наполеон, а потому (возможно, неосознанно) должен был усиливать внимание на тех суждениях полководца, которые обусловлены стереотипами национального сознания. Во-вторых, как это показано в известной монографии Л. Вульфа «Изобретая Восточную Европу» [43], со времен эпохи Просвещения в Европе господствовала идея, что Россия стремится к европейскому уровню цивилизации, однако сильно отстает на этом пути. То есть исторический Наполеон должен был осознавать Россию в контексте этой идеи. И этот беглый штрих позволял Толстому объяснить надменный и ультимативный тон французского императора в беседе с Балашовым и шире – недооценку Наполеоном военных и моральных возможностей России.

Характерно, что на протяжении романа – даже в переломные моменты – наполеоновское восприятие России остается неизменным. Так, во время Бородинского сражения Наполеон, казалось бы, пораженный стойкостью противника, должен изречь сентенцию о стойком характере русских. Но вместо этого он лишь приказывает усилить огонь. Толстой подчеркивает, что французский император не воспринимает национальные особенности России аналитически, они оказываются для полководца только колоритным фоном для развертывания собственной биографии. В сознании Наполеона Москва представляет собой образ, наполненный не столько этно-географической конкретикой, сколько воображаемой экзотикой. Толстой неоднократно подчеркивает эту особенность восприятия, «следуя» за французским императором от Вязьмы до Москвы. И читатель узнает, что «эта Moscou не давала покоя воображению Наполеона» [29. Т. 11. С. 132], «Moscou <...> занимала его воображение» [29. Т. 11. С. 132], и при виде Москвы завоевателю «странно было самому, что наконец свершилось его давнишнее, казавшееся ему невозможным, желание» [29. Т. 11. С. 320].

Черты воображаемой Наполеоном Москвы обрисованы Толстым лаконично. Экзотизм образа обусловлен двумя основными мотивами – восточным и историческим. Для Наполеона Москва – «древняя столица des Czars» [29. Т. 11. С. 320], ключи от которой в руках у «бояр» [29. Т. 11. С. 321]. И одновременно в воображении французского императора Москва видится «азиатской столицей <...> великой империи» с «бесчисленными церквями в форме китайских пагод» [29. Т. 11. С. 132]. Взирая на Москву с Поклонной горы, Наполеон воспринимает город как «невиданную еще им, восточную красавицу» [29. Т. 11. С. 320].

Если проанализировать реальные впечатления французов, занявших Москву, то легко убедиться, что архитектура столицы действительно напоминала им восточный стиль. Скажем, офицер Э. Лабом отмечал, что захваченный город представляет собой «картину одного из знаменитых городов Азии, в существование которых как-то не верится и которые, казалось бы, живут только в богатом воображении арабских поэтов» [44. С. 262]. Его соратник по оружию Ц. Ложье также признавался: «Островерхие башни, бесчисленные колокольни заставляют нас думать, что мы на границе Азии» [44. С. 269]. Так что не случайно Толстой акцентирует внимание на том, что Наполеон назвал собор Василия Блаженного мечетью [29. Т. 12. С. 88]. В одном из приказов Наполеона этот собор действительно отмечен как «мечеть с несколькими куполами» [45. Р. 395]. Романист следует исторической данности: Россия и Москва в сознании наполеоновских французов обладали чертами «азиатчины».

Речь о том, однако, что Толстой эту реальную историческую деталь использует таким образом, что она не может восприниматься как причина исторических событий. Толстой не мог не знать, что накануне войны французская пропаганда, создавая образ врага, рисовала Россию как оплот «азиатского варварства», а русских как «потомков монголо-татар» [46. С. 275], как «варваров-кочевников <...> разбивающих свои шатры на окраинах Европы» [47. С. 130]. Но по всему видно, что Толстой не готов был признать, что подобная «имагологическая образность» может служить решающей движущей силой «войны народов». Поэтому «наполеоновский» образ «восточной» Москвы выпадает из военного дискурса. Во-первых, в романе «восточная» Москва – продукт индивидуального сознания Наполеона, а не массового сознания французской армии. А во-вторых, эта «восточность» Москвы в романе никак не связана с «прагматикой» войны, она призвана лишь усилить у завоевателя ощущение собственного величия. В-третьих, в «наполеоновском» образе Москвы в значительно большей степени «активирована» позитивная составляющая представлений о Востоке (экзотичность, исконная сакральность, древность), нежели негативная (угроза нашествия, варварство, деспотизм). Таким образом, представления Наполеона о Москве не укладываются в идеологию предвоенной пропаганды.

Остановимся еще на одном эпизоде. Толстой передает произошедшую неподалеку от Вязьмы беседу Наполеона с пленным казаком. Этот случай прежде был описан в «Истории консульства и империи» А. Тьера [42. Р. 288–289]. Толстой цитирует французского историка и с откровенной иронией относится к тому обстоятельству, что у Тьера казак переполнился «наивным и молчаливым чувством восторга», узнав, что говорит с императором французов. В интерпретации Толстого сцена выглядит так: денщик Николая Ростова Лаврушка, «грубый, наглый лакей», который «хитро угадывает барские дурные мысли, в особенности тщеславие и мелочность» [29. Т. 11. С. 132], ловко сыграл восторг и удивление перед Наполеоном.

Зачем понадобилось Толстому менять смысл этого микросюжета? В тьеровском варианте образ русских, испытывающих восторг перед гени-

ем завоевателя, заставляет читателя верить в истинность представлений императора и о собственном величии, и о завоеванной стране, и о моральном состоянии русской армии. Между тем для Толстого важным было, с одной стороны, продемонстрировать иллюзорность этих представлений, а с другой – совершенно в ином свете изобразить характер и настроение русских солдат. На протяжении романа Толстой постоянно вступает в полемику с Тьером [48. С. 992], а указанный эпизод во всех отношениях противоречил историческому видению Толстого. И, что характерно, интуиция не подвела Толстого: как позднее выяснилось, эпизод с казаком в «Истории...» Тьера оказался вымыслом [49. С. 214].

Обобщая рассуждения о манере Толстого апеллировать к французским представлениям о России, следует заключить, что писатель стремился постичь психологию французов, но целенаправленно избегал использовать негативные клише национального восприятия и штампы антирусской наполеоновской пропаганды. Думается, тому было две причины.

Первая связана с историософской концепцией Толстого. Объективно пропаганда имела значительную силу накануне кампании, но после начала боевых действий реальность интересует солдата значительно больше, нежели образы, продуцированные пропагандой. Эту особенность Толстой зафиксировал при описании русских войск: «<...> в армии, которая отступала за Москву, почти не говорили и не думали о Москве, и, глядя на ее пожарище, никто не клялся отмстить французам, а думали о следующей трети жалования, о следующей стоянке, о Матрешке-маркитантше» [29. Т. 12. С. 14–15]. Толстой знал этот психологический эффект по собственному опыту времен обороны Севастополя. Литературная деятельность писателя в тот период (как и его единомышленников-офицеров [50]) была нацелена, прежде всего, на военные будни, бивачную правду. В «Войне и мире» все это сконцентрировалось в убеждение, что в боевых буднях и во взаимодействии множества индивидуальных характеров следует искать объяснение военных событий. Точно так же, как Толстой разрушал концепцию о ведущей исторической роли отдельной личности, он развеивал убеждение в том, что стереотипы межнациональной рецепции способны служить двигателем исторических процессов. Он не оспаривает существование этих стереотипов, не обсуждает степень их воздействия на чувства солдат, он просто умалчивает о них, игнорирует их существование как факт, не имеющий значения для понимания истории и войны.

Вторая причина должна была скрываться в самом художественном подходе Толстого. В «Войне и мире» «любимый писателем прием остранения» [39. С. 282] позволял читателю по-новому увидеть уже неоднократно описанные события и исторические лица, отрешиться от канонизированных трактовок и литературных клише. Французская рецепция России в российском сознании второй половины XIX в. уже виделась набором общеизвестных штампов.

Российский интерес к французским представлениям о России был запущен именно войной 1812 г. и победой над Наполеоном. Эти события

актуализировали «процесс нациостроительства» [51. С. 455] и заставляли формировать «систему координат для самоопределения россиян как некой целостности, четкого осознания ими специфики “своего”, по сравнению с “чужим”» [52. С. 18]. И в этом контексте «чужие» мнения о России приобретали особое значение, поскольку позволяли, с одной стороны, оценить «свое» место в мировом пространстве, а с другой – корректировать зарубежные представления в соответствии со «своими» знаниями о России. После победы над Наполеоном начали формироваться первые коллекции иностранных сочинений о России (что явилось фундаментом для основания знаменитого отделения «Россика» Императорской публичной библиотеки), критические переводы иностранных текстов о России стали неотъемлемой частью российской научной и журнальной жизни. Накопленные знания о типичных представлениях иностранцев находили воплощение в художественной литературе (достаточно вспомнить хрестоматийный образ «французика из Бордо»), побуждали литераторов формулировать «ответ» на иностранные отзывы о «своей» стране [21. С. 79]. Со временем русская литература накопила такой опыт художественной имитации французских представлений о России, что, скажем, П.П. Вяземскому удалось мистифицировать маститых историков литературы поддельными письмами о России француженки Омер (Оммер) де Гелль [53].

Однако обилие знаний о французской рецепции России превращало эту тему в общее место. Публицистическое муссирование этой темы в периоды международных разладов довольно прочно увязывало ее со сферой политической пропаганды. Использование Толстым штампов французского восприятия России отсылало бы читателя к уже знакомым текстам о войне 1812 г. (и вообще к литературным сценам о французах в России) и притупляло остроту читательского восприятия. Можно не сомневаться, что писатель нашел бы художественные способы остранения этой темы, как нашел приемы остранения общеизвестных исторических событий. Но воспроизведение предвзятых французских представлений о России в любом случае напоминало бы читателю точку зрения о руководящей роли национальных взаимопредставлений в историческом процессе, а это не соответствовало авторским представлениям о природе вещей. Поэтому Л.Н. Толстой минимизировал воплощение французской рецепции России буквально до считанных строк, до лаконизма, позволяющего воспринимать эту рецепцию как реальную черту эпохи, важный, но не ключевой фактор исторических потрясений.

Литература

1. Шкловский В.Б. Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М. : Федерация, 1928. 250 с.

2. Филиппов В.Р. «Фигура умолчания» как исторический источник: (А.А. Орлов «“Англии конец”!»: Британия и британцы как фигуры умолчания в романе Л.Н. Толстого “Война и мир”») // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 3. С. 161–164.

3. Орлов А.А. Британия и британцы как фигуры умолчания в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Люди и тексты: ист. альм. 2017. Т. 10. С. 218–243.

4. Орлов А.А. «Англии конец»!: Британия и британцы как фигуры умолчания в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». СПб. : Алетей, 2019. 152 с.
5. Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856). Paris : Fayard, 1967. 641 p.
6. Corbet C. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris : Didier, 1967. 488 p.
7. Орехов В.В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь : СГТ, 2008. 200 с.
8. Строганов М.В. Какой видела себя русская литература в зеркале французской культуры // Образ России в литературе XIX–XXI вв. : материалы междунар. научной конференции, Курск, 20–22 сентября 2007 г. Курск, 2008. С. 82–86.
9. Leerssen J. Imagologia: O zastosowaniu etniczności do nadawania światu sensu // Porównania. 2017. Vol. 21. P. 9–29.
10. Орехов В.В. Предыстория отечественной имагологии: традиция как целеуказание // Имагология и компаративистика. 2020. № 14. С. 143–167.
11. Давыдов Д.В. Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона. М., 1825. 65 с.
12. Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М. : Искусство, 1984. 458 с.
13. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1908. 614 с.
14. Тарле Е.В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение: Июльская монархия, Вторая республика, начало Второй империи // Литературное наследство. Т. 31–32 : Русская культура и Франция, кн. 2. М., 1937. С. 563–663.
15. Мильчина В.А. Россия и Франция: Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб. : Гиперион, 2006. 528 с.
16. Киселев В.С. Книжные и журнальные источники «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание. М., 2015. С. 470–493.
17. Вишленкова Е.В. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М. : Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
18. Успенский В.М. Типология изображения «русских медведей» в европейской карикатуре XVIII – первой трети XIX века // «Русский медведь»: История, семиотика, политика. М., 2012. С. 87–104.
19. Земцов В.Н. Россия глазами Наполеона // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 181–186.
20. Майорова О.Е. Война и миф: память о победе над Наполеоном в годы польского восстания (1863–1864) // Новое литературное обозрение. 2012. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/6/vojna-i-mif-pamyat-o-pobede-nad-napoleonom-v-gody-polskogo-vosstaniya-1863-8212-1864.html>
21. Орехов В.В. «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 69–88.
22. Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. М. : Правда, 1986. 416 с.
23. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 19 т. М. : Воскресение, 1994–1997. Т. 14. 578 с.
24. Давыдов Д.В. Сочинения : в 3 т. СПб., 1893. Т. 3: Проза. Письма. 253 с.
25. Булгарин Ф.В. Полное собрание сочинений : в 5 т. СПб., 1839–1843. Т. 4. 240 с.
26. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения : в 2 т. М. : Худож. лит., 1981. Т. 1–2.
27. Белинский В.Г. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Гослитиздат, 1948. Т. 1. 802 с.
28. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в русской критике: сб. ст. / сост. И.Н. Сухих. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 408 с.
29. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : Худож. лит., 1928–1958. Т. 4, 11, 12, 14.
30. Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М. : АН СССР, 1950. 652 с.

31. Орехов В.В. Русские «скифы»: эволюция образа // Вестник славянских культур. № 1 (11). М., 2009. С. 68–74.
32. Тотфалушин В.П. М.Б. Барклай де Толли в современной российской историографии // Бородино в истории и культуре: материалы Междунар. науч. конф., Бородино, 7–10 сентября 2009 г. Можайск, 2010. С. 217–236.
33. Понасенков Е.Н. Первая научная история войны 1812 года. М. : АСТ, 2017. 800 с.
34. Ивченко Л.Л. «Полководец» А.С. Пушкина: поэтический образ и исторические реалии // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2000. С. 85–102.
35. Тарле Е.В. Сочинения : в 12 т. М. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 7. 864 с.
36. Бражников И.Л. «Скифский сюжет» в русской культуре // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4–1. С. 332–337.
37. Ségur Ph. de. Histoire de Napoléon et de la grande armée, pendant l'année 1812. Paris, 1824. Vol. 2. 453 p.
38. Давыдов Д.В. Сочинения. М. : Худож. лит., 1962. 612 с.
39. Готовцева А.Г. Встреча в Вильне: Еще раз о миссии А. Балашева в осмыслении Л. Толстого // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 280–307.
40. [Балашев А.Д.] Свидание генерала Балашева с Наполеоном // Исторический вестник. 1883. Т. 12, № 5. С. 424–438.
41. Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 1. 555 с.
42. Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire faisant suite à l'Histoire de la Révolution française. Paris, 1856. Vol. 14. 686 p.
43. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : НЛЮ, 2003. 560 с.
44. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев : [сб.] : в 3 ч. / сост. А.М. Васютинский, А.К. Дживелегов, С.П. Мельгунов. М. : ГПИБР, 2012. Ч. 1–2. 736 с.
45. Gourgaud G. Napoléon et la grande-armée en Russie ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Ségur. Bruxelles, 1825. 427 p.
46. Гнесь А.А. Имагология: отдавая должное подсознательным образам человека и мира // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 2, ч. 2. С. 272–283.
47. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М. : Новое издательство, 2004. 336 с.
48. Чистякова М.М. Лев Толстой и Франция // Литературное наследство. Т. 31/32 : Русская культура и Франция, кн. 2. М., 1937. С. 981–1025.
49. Кандиев Б.И. Роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир»: комментарий. М. : Просвещение, 1967. 390 с.
50. Орехова Л.А. Севастопольское окружение Л.Н. Толстого и предыстория «Севастопольских рассказов» // Русская классика: проблемы понимания и языкового своеобразия : сб. науч. ст. по итогам XV Барышниковских чтений – Всероссийской научной конференции, 15–16 ноября 2016 г., Липецк. Липецк, 2016. С. 60–68.
51. Киселев В.С. Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание. М., 2015. С. 449–469.
52. Айзикова И.А. Дунайская армия и Отечественная война 1812 г. в интерпретации авторов «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814): исторические факты и социальная мифология // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 3 (3). С. 8–25.
53. Вяземский П.П. Письма и записки Оммер де Гелль. М. : Худож. лит., 1990. 288 с.

The French Image of Russia and Russians as Aposiopesis in the Epic Novel *War and Peace*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 247–266. DOI: 10.17223/19986645/73/14

Vladimir V. Orekhov, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: v-orehov@mail.ru

Keywords: 1812, Leo Tolstoy, image of “alien”, imagology, national stereotype, Scythian plan.

The article aims to explain Leo Tolstoy’s approach to representing the French ideas about Russia in the epic novel *War and Peace*. Previously created works of Russian literature about the Patriotic War of 1812 are analyzed: M.N. Zagoskin’s *Roslavlev, or the Russians in 1812* (1831) and F.V. Bulgarin’s *Peter Ivanovich Vyzhigin* (1831). A comparative analysis allows making a conclusion that both works are characterized by the belles-lettres modeling of negative and derogatory French stereotypes about Russia. Zagoskin, trying to convince the reader that the disregard of Russia is a typical feature of the French worldview, puts clichéd negative comments about Russia and Russians into almost all French characters’ mouths. As a result, the reader perceives the presence of negative stereotypes as a circumstance no less significant than the real tragedy of hostilities, and which became the basis of Napoleon’s invasion. In a similar vein, the theme of the French’s biased attitude towards Russia is also developed in the novel by Bulgarin. Imitating French judgments about Russia, the author suggests that the basis of the war was the neglect of the French towards Russia, and the victory over Napoleon was the result of the Russians’ desire to debunk the foreigners’ unjust opinions about Russia. Since the regular aggravation of Russian-French relations constantly kept up to date the topic of negative French stereotypes, the reader had reason to believe that in the novel by Leo Tolstoy significant attention would be paid to the French reception of Russia. However, Tolstoy touched on this problem only with a glimpse, avoiding modeling negative French stereotypes about Russia. The French image of Russia has traditional exotic features, but this image cannot be perceived as a cause of military aggression. This can be explained by a combination of two reasons. Firstly, the experience of the writer’s participation in the Crimean War suggested that the explanation of the logic of military history should be sought in the bivouac truth, in the movement of combat everyday routine, and in a combination of many individual characters involved into the events, but not in the exceptional abilities of historical persons or stencils of national mutual perception. The absolute priority given to the role of national stereotypes contradicted Tolstoy’s historiosophical concept. In addition, by the time of the creation of *War and Peace*, the French reception of Russia had widely been comprehended in Russian scholarly, journalistic, and belles-lettres literature, which turned this topic into a “locus communis” not explaining the deep historical processes. Tolstoy’s use of stereotypes of the French perception of Russia would have referred the reader to already familiar texts about the French in Russia and bated the sharpness of the reader’s perception. Based on all this, the writer preferred to minimize the embodiment of the French reception of Russia to laconicism, allowing us to evaluate this reception as a real feature of national mutual representations, but not a key factor of historical upheavals.

References

1. Shklovskiy, V.B. (1928) *Mater'yal i stil' v romane L'va Tolstogo "Voyna i mir"* [Material and style in Leo Tolstoy’s novel *War and Peace*]. Moscow: Federatsiya.
2. Filippov, V.R. (2019) “The figure of silence” as a historical source. Review of the book “The End of England”! Britain and the British as figures of silence in the novel by L.N. Tolstoy “War and Peace” by A.A. Orlov. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly – Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 3. pp. 161–164. (In Russian).

3. Orlov, A.A. (2017) Britaniya i britantsy kak figury umolchaniya v romane L.N. Tolstogo "Voyna i mir" [Britain and the British as Silent Figures in L.N. Tolstoy's War and Peace]. *Lyudi i teksty: ist. al'm.* 10. pp. 218–243.
4. Orlov, A.A. (2019) "Anglii konets"! Britaniya i britantsy kak figury umolchaniya v romane L.N. Tolstogo "Voyna i mir" ["The End of England"! Britain and the British as figures of silence in the novel by L.N. Tolstoy "War and Peace"]. St. Petersburg: Aleteyya.
5. Cadot, M. (1967) *La Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856)*. Paris: Fayard.
6. Corbet, C. (1967) *L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894)*. Paris: Didier.
7. Orekhov, V.V. (2008) *Mif o Rossii vo frantsuzskoy literature pervoy poloviny XIX veka* [The myth of Russia in French literature of the first half of the 19th century]. Simferopol: SGT.
8. Stroganov, M.V. (2008) [How Russian literature saw itself in the mirror of French culture]. *Obraz Rossii v literature XIX–XXI vv.* [Image of Russia in the literature of the 19th–21st centuries]. Proceedings of the International Conference. Kursk. 20–22 September 2007. Kursk: Kursk State University. pp. 82–86. (In Russian).
9. Leerssen, J. (2017) Imagologia: O zastosowaniu etniczności do nadawania światu sensu. *Porównania*. 21. pp. 9–29.
10. Orekhov, V.V. (2020) Background of Russian Imagology: Tradition as an Indication of Target. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 14. pp. 143–167. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/14/7
11. Davydov, D.V. (1825) *Razbor trekh statey, pomeschennykh v zapiskakh Napoleona* [Analysis of three articles in Napoleon's notes]. Moscow: V Tip. S. Selivanovskogo.
12. Vyazemskiy, P.A. (1984) *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and Literary Criticism]. Moscow: Iskustvo.
13. Lemke, M.K. (1908) *Nikolaevskie zhandarmy i literatura 1826–1855 gg.* [Nicholas's gendarmes and literature of 1826–1855]. St. Petersburg: Izdanie S.V. Bunina.
14. Tarle, E.V. (1937) Doneseniya Yakova Tolstogo iz Parizha v III otdelenie: Iyul'skaya monarkhiya, Vtoraya respublika, nachalo Vtoroy imperii [Reports of Yakov Tolstoy from Paris to Department III: The July Monarchy, the Second Republic, the Beginning of the Second Empire]. In: Makashin, S.A. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 31–32, Book 2. Moscow: Zhur.-gaz. ob'edinenie. pp. 563–663.
15. Mil'china, V.A. (2006) *Rossiya i Frantsiya: Diplomaty. Literaturnyye. Shpiony* [Russia and France: Diplomats. Literators. Spies]. St. Petersburg: Giperion.
16. Kiselev, V.S. (2015) Knizhnye i zhurnal'nye istochniki "Sobraniya stikhotvorenii, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu" [Book and magazine sources of the Collection of Verses Related to the Unforgettable 1812]. In: Ayzikova, I.A. et al. (eds) *Sobranie stikhotvorenii, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu. Yubileynoe izdanie* [Collection of Verses Related to the Unforgettable 1812]. Moscow: YaSK. pp. 470–493.
17. Vishlenkova, E.V. (2011) *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili "Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu"* [Visual ethnology of the empire, or "Not everyone can see a Russian"]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
18. Uspenskiy, V.M. (2012) Tipologiya izobrazheniya "russkikh medvedey" v evropeyskoy karikature XVIII – pervoy treti XIX veka [Typology of the depiction of "Russian bears" in European political cartoons of the 18th – first third of the 19th centuries]. In: Ryabov, O.V. & de Lazari, A. (eds) *"Russkiy medved": Istoriya, semiotika, politika* ["Russian Bear": History, semiotics, politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 87–104.
19. Zemsov, V.N. (2016) Russia through the eyes of Napoleon. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (58). pp. 181–186. (In Russian).
20. Mayorova, O.E. (2012) Voyna i mif: pamyat' o pobede nad Napoleonom v gody pol'skogo vosstaniya (1863–1864) [War and myth: memory of the victory over Napoleon during the Polish uprising (1863–1864)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Ob-*

server. 6. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/6/vojna-i-mif-pamyat-o-pobede-nad-napoleonom-v-gody-polskogo-vosstaniya-1863-8212-1864.html>

21. Orekhov, V.V. (2019) To the Slanderers of Russia: Author Position and Literary Reputation. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki – Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 5 (71):3. pp. 69–88. (In Russian).

22. Zagoskin, M.N. (1986) *Roslavlev, ili Russkie v 1812 godu* [Roslavlev, or Russians in 1812]. Moscow: Pravda.

23. Pushkin, A.S. (1994–1997) *Polnoe sobranie sochineniy: v 19 t.* [Complete works: in 19 volumes]. Vol. 14. Moscow: Voskresenie.

24. Davydov, D.V. (1893) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 volumes]. Vol. 3. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa Ya. Sokolova.

25. Bulgarin, F.V. (1839–1843) *Polnoe sobranie sochineniy: v 5 t.* [Complete Works: in 5 volumes]. Vol. 4. St. Petersburg: v tip. K. Zhernakova.

26. Bestuzhev-Marlinskiy, A.A. (1981) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Moscow: Khudozh. lit.

27. Belinskiy, V.G. (1948) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 1. Moscow: Goslitizdat.

28. Sukhikh, L.N. (1989) *Roman L.N. Tolstogo “Voyna i mir” v russkoy kritike: sb. st.* [L.N. Tolstoy’s “War and Peace” in Russian Criticism: Collection of articles]. Leningrad: Leningrad State University.

29. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 volumes]. Vols 4, 11, 12, 14. Moscow: Khudozh. lit.

30. Pirogov, N.I. (1950) *Sevastopol'skie pis'ma i vospominaniya* [Sevastopol letters and memoirs]. Moscow: USSR AS.

31. Orekhov, V.V. (2009) Russkie “skify”: evolyutsiya obraza [Russian “Scythians”: the evolution of the image]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 1 (11). pp. 68–74.

32. Totfalushin, V.P. (2010) [M.B. Barclay de Tolly in modern Russian historiography]. *Borodino v istorii i kul'ture* [Borodino in history and culture]. Proceedings of the International Conference. Borodino. 7–10 September 2009. Mozhaysk. pp. 217–236. (In Russian).

33. Ponasenkov, E.N. (2017) *Pervaya nauchnaya istoriya voyny 1812 goda* [The first scientific history of the war of 1812]. Moscow: AST.

34. Ivchenko, L.L. (2000) [“The Commander” by A.S. Pushkin: Poetic Image and Historical Realities]. *Otechestvennaya voyna 1812 g.: Istochniki. Pamyatniki. Problemy* [Patriotic War of 1812: Sources. Monuments. Problems]. Proceedings of the International Conference. Borodino. pp. 85–102. (In Russian).

35. Tarle, E.V. (1959) *Sochineniya: v 12 t.* [Works: in 12 volumes]. Vol. 7. Moscow: USSR AS.

36. Brazhnikov, I.L. (2011) “Skifskiy syuzhet” v russkoy kul'ture [The “Scythian plot” in Russian culture]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 4–1. pp. 332–337.

37. de Ségur, Ph. (1824) *Histoire de Napoléon et de la grande armée, pendant l'année 1812*. Vol. 2. Paris.

38. Davydov, D.V. (1962) *Sochineniya* [Writings]. Moscow: Khudozh. lit.

39. Gotovtseva, A.G. (2016) Vstrecha v Vil'ne: Eshche raz o missii A. Balasheva v osmyslenii L. Tolstogo [Meeting in Vilna: Once again about the mission of A. Balashev in the understanding of L. Tolstoy]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 280–307.

40. Balashev, A.D. (1883) Svidanie generala Balasheva s Napoleonom [Meeting of General Balashev with Napoleon]. *Istoricheskiy vestnik*. 12 (5). pp. 424–438.

41. Bogdanovich, M.I. (1859) *Istoriya Otechestvennoy voyny 1812 goda po dostovernym istochnikam* [The history of the Patriotic War of 1812 according to reliable sources]. St. Petersburg: Torgovyy dom S. Strugovshchikova, G. Pokhitonova, N. Vodova i K°.

42. Thiers, A. (1856) *Histoire du Consulat et de l'Empire faisant suite à l'Histoire de la Révolution française*. Vol. 14. Paris.

43. Wolff, L. (2003) *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Translated from English. Moscow: NLO.

44. Vasyutinskiy, A.M., Dzhivelegov, A.K. & Mel'gunov, S.P. (2012) *Frantsuzy v Rossii: 1812 god po vospominaniyam sovremennikov-inostrantsev: [sb.]*: v 3 ch. [The French in Russia: 1812 according to the memoirs of foreign contemporaries: in 3 parts]. Parts 1–2. Moscow: GPIBR.

45. Gourgaud, G. (1825) *Napoléon et la grande-armée en Russie ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Ségur*. Bruxelles.

46. Gnes', A.A. (2019) Imagology: Paying Respect to Subconscious Images of Man and of the World. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 11 (2):2. pp. 272–283. (In Russian).

47. Neumann, I. (2004) *Ispol'zovanie "Drugogo": Obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskikh identichnostey* [Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

48. Chistyakova, M.M. (1937) Lev Tolstoy i Frantsiya [Leo Tolstoy and France]. In: Makashin, S.A. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 31–32, Book 2. Moscow: Zhur.-gaz. ob"edinenie. pp. 981–1025.

49. Kandiev, B.I. (1967) *Roman-epopeya L.N. Tolstogo "Voyna i mir": kommentariy* [The epic novel War and Peace by L.N. Tolstoy: commentary]. Moscow: Prosveshchenie.

50. Orekhova, L.A. (2016) [The Sevastopol environment of L.N. Tolstoy and the prehistory of Sevastopol Stories]. *Russkaya klassika: problemy ponimaniya i yazykovogo svoebrazhiya* [Russian classics: problems of understanding and linguistic originality]. XV Baryshnikovskie chteniya [XV Baryshnikov Readings]. Conference Proceedings. Lipetsk. 15–16 November 2016. Lipetsk: Lipetsk State University. pp. 60–68. (In Russian).

51. Kiselev, V.S. (2015) Ideologicheskii kontekst "Sobraniya stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu" [The ideological context of the Collection of Verses Related to the Unforgettable 1812]. In: Ayzikova, I.A. et al. (eds) *Sobranie stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu. Yubileynoe izdanie* [Collection of Verses Related to the Unforgettable 1812]. Moscow: YaSK. pp. 449–469.

52. Ayzikova, I.A. (2015) The Danube Army and the War of 1812 as Interpreted by the Authors of the Collection of Verses Related to Unforgettable 1812 (M., 1814): Historical Facts and Social Mythology. *Biblioteka zhurnala "Rusin" – Rusin Journal Library*. 3 (3). pp. 8–25. (In Russian). DOI: 10.17223/23451734/3/2

53. Vyazemskiy, P.P. (1990) *Pis'ma i zapiski Ommer de Gell'* [Ommer de Gell's letters and notes]. Moscow: Khudozh. lit.